

1. За нулем

Природа не знает угасания; она знает лишь преобразование. Все, чему научила и по сей день учит меня наука, укрепляет мою веру в продолжение нашего духовного бытия после смерти.

Вернер фон Браун

По небу раскатился вой. Такое бывало и раньше, но теперь его не с чем сравнить.

Слишком поздно. Эвакуация продолжается, но это все театр. В вагонах нет света. Нигде света нет. Над ним — фермы подъемников, старые, как «железная королева», и где-то совсем высоко стекло, что пропускало бы свет дня. Но сейчас ночь. Он боится обвала стекла — уже скоро — вот это будет зрелище: падение хрустального дворца. Но — в полном мраке светомаскировки, ни единого проблеска, лишь огромный невидимый хряст.

В многослойном вагоне он сидит в вельветовой тьме, курить нечего, чувствует, как металл то дальше, то ближе трется и сталкивается, клубами рвется пар, рама вагона дрожит — наготове, не по себе, остальные притиснуты со всех сторон, немощные, стадо паршивых овец, уже ни везенья, ни времени: пьянь, ветераны, контуженные артиллерией, 20 лет как устаревшей, ловчицы в городских нарядах, отверженные, изможденные тетки с детьми — не бывает у человека столько детей, — сложены штабелями между всем прочим, уготовленным к спасительной транспортировке. Только ближайшие лица разборчивы, да и те — как полупосеребренные образы в видеоискателе, испятнанные зеленью сиятельные лица, что припоминаются за пуленепробиваемыми окнами, несущимися через весь город...

Тронулись. Вытянувшись в линию, с главного вокзала, из центра города, начинают вжиматься в городские районы, которые старше и разореннее. Есть тут выход? Лица оборачиваются к окнам, но никто не осмеливается спросить, во всяком разе — вслух. Сверху льет. Нет, так не выпутаться, так только больше *завязать-ся в узел* — они въезжают под арки, сквозь тайные входы в сгнившем бетоне, что лишь походили на петли тоннеля... некие эстакады

почернелого дерева медленно проплыли над головой, и запахи, рожденные углем во дни, отъехавшие в далекое прошлое, запахи лигроиновых зим, воскресений, когда ничего не ходит, кораллообразного и таинственно жизнеспособного нароста, из-за слепых поворотов, из одиноких прогонов, кислая вонь отсутствия подвижного состава, вызревающей ржави — проступают в этих опустошающих днях блистательно и глубоко, особо — на заре, когда проезд ей запечатывают синие тени, — стараются привести события к Абсолютному Нулю... и тем беднее, чем глубже въезжают... развалины тайных городов нищеты, местá, *чьих имен он никогда не слышал...* стены разламываются, крыш все меньше, а с ними — и шансов на свет. Дороге следует выходить на простор трассы, но она ужает, ухабится, все больше загоняет себя в угол, и тут они вдруг — намного раньше, чем следовало, — уже под окончательной аркой: тормоза кошмарно схватываются и пружинят. Приговор, которому нет апелляции.

Караван замер. Конец линии. Всем эвакуируемым приказано выйти. Двигутся медленно, хоть и не сопотивляясь. У их распорядителей кокарды цвета свинца, и люди эти неболтливы. Вот огромная, очень старая и темная гостиница, железный придаток рельсов и стрелок, которыми они сюда приехали... Шары огней, покрашенные темно-зеленым, свисают из-под причудливых железных карнизов, не зажигались веками... толпа движется безропотно, не кашляя, по коридорам, прямым и целесообразным, как складские проходы... бархатные черные плоскости сдерживают движение: запах — старого дерева, отдаленных флигелей, все это время пустых, но только что открытых, дабы приютить наплыв душ, вонь холодной штукатурки, под которой сдохли все крысы, лишь их призраки, недвижимые, будто наскальные росписи, запечатлены упрямо и светло в стенах... эвакуируемых принимают партиями, лифтом — передвижным деревянным эшафотом, со всех сторон открытым, подымаемым старыми просмоленными канатами и чугунными шкивами, чьи спицы отлиты в форме двояких S. На бурых этажах пассажиры сходят и уходят... тысячи этих притихших номеров без света...

Кто-то ждет в одиночестве, кто-то свои комнаты-невидимки делит с прочими. Невидимки, да — что толку в обстановке, когда вокруг такое? Под ногами хрустит древнейшая городская грязь, последние кристаллы всего, в чем город отказывал, чем угрожал,

что лгал своим детям. Каждый слышал голос — тот, что говорил, казалось, только с ним:

— Ты же не верил в самом деле, что тебя спасут. Ладно тебе, мы все уже знаем, кто мы есть. Никто и не собирался хлопотать, чтобы спасти *тебя*, дружище...

Выхода нет. Лежи и терпи, лежи спокойно и не шуми. Не утихает в небе вой. Когда прикатится, прибудет он во тьме — или принесет с собою свет? Свет придет до или после?

Но свет — уже. Давно ли светло? Все это время свет сочился вместе с холодным утренним воздухом, что овеивает теперь соски: уж являет сборище пьяных транжир, кто-то в мундире, а кто-то нет, в кулаках зажаты пустые или полупустые бутылки, тут один повис на стуле, там другой забился в погасший камин, или же растянулись на всевозможных диванах, не знавших «гувера» коврах и в шезлонгах по разным слоям невообразимо громадного зала, храпят и сопят во множестве ритмов, самообновляющимся хором, а лондонский свет, зимний и эластичный свет растет меж ликами разделенных средниками окон, растет среди пластов вчерашнего дыма, что еще цепляются, истаивая, к навощенным потолочным балкам. Все эти горизонтальные, эти товарищи по оружию — розовенькие, будто кучка голландских крестьян, ком снится беспорное их воскрешенье в ближайшие несколько минут.

Его зовут капитан Джеффри Апереткин, прозвание — Пират. Он обернут в толстое одеяло, шотландку — оранжевый, алый и ржавый. Череп у него — будто металлический.

Прямо над ним, в двадцати футах над головой, с хоров готов сверзиться Тедди Бомбаж — накануне он предпочел рухнуть как раз в том месте, где кто-то в грандиозном припадке много недель назад пинком вышиб две балясины черного дерева. Теперь же, в ступоре, Бомбаж неуклонно подвигается в проем — голова, руки, туловище, — и вот уже его держит лишь пустой бутылек изпод шампанского в заднем кармане брюк, умудрившийся за что-то зацепиться...

Тут Пирату удается сесть на узкой холостяцкой койке и проморгаться. Какой ужас. Какой блядский ужас... над собой он слышит треск материи. В Директорате Особых Операций Пирата натаскали реагировать быстро. Он спрыгивает с койки и пинком отправляет ее на роликах курсом к Бомбажу. Тот в отвесном падении

рушится точно у миделя под мощный аккорд пружин. У койки подламывается ножка.

— Доброе утро, — отмечает Пират. Бомбаж кратко улыбается и снова засыпает, поглубже зарывшись в Пиратово одеяло.

Бомбаж — один из соарендаторов этой фатеры, домика недалеко от набережной Челси, возведенного в прошлом веке Коридоном Тропелом, знакомцем всех Россетти, который носил власяницы и любил возделывать на крыше лекарственные растения (эту традицию в последнее время оживил юный Осби Щипчон): из них немногие оказались стойкими и пережили туманы и морозы, а большинство вернулось ошметками странных алкалоидов в почву крыши вместе с навозом троицы призовых хрюшек уэссексэдлбек, расквартированных там же преемником Тропела, вместе со сгнившей листвой множества декоративных деревьев, пересаженных на крышу последующими жильцами, а также случайным несъедобным блюдом, выброшенным или выблеванным туда же тем или иным чувствительным эпикурейцем, — все это в конечном итоге лессировалось ножами сезонов до импасто не в один фут толщиной, невероятный слой чернозема, где вырастет что угодно, и не в последнюю очередь — бананы. Пират, доведенный до отчаяния нехваткой бананов в военное время, решил выстроить на крыше стеклянную теплицу и убедил приятеля, который челочно летал из Рио — в Асунсьон — в Форт-Лами, умыкнуть ему отводок-другой банана в обмен на немецкий фотоаппарат, ежели Пират в свою следующую парашютную вылазку на такой наткнется.

Пират прославился своими Банановыми Завтраками. Сотрапезники слетаются сюда со всей Англии, даже те, кто аллергичен или прямо враждебен к бананам, всего лишь посмотреть — ибо политика бактерий, низовка почвы кольцами и цепями сетей одному богу известно с какой ячейкой зачастую приводили к расцвету плодов до длины в полтора фута, да — поразительно, но правда.

Пират в уборной стоит и писает без единой мысли в голове. Затем проникает в шерстяной халат, который носит шиворот-навыворот, чтоб сигаретный карман не торчал на всеобщую потребу — не то чтоб это помогало, — и, огибая теплые тела друзей, пробирается к французскому окну, выскальзывает наружу, где холод лупит его по зубным пломба́м; он стонет и с гулом взбирается по спиральной лестнице в садик на крыше, где ненадолго оста-

навливается, озирая реку. Солнце по-прежнему за горизонтом. Похоже, днем будет дождь, но сейчас воздух примечательно чист. Огромная электростанция, газгольдеры за нею стоят четко: кристаллы, выросшие в мензурке утра, — дымовые трубы, вентиляционные шахты, башни, трубопроводы, заскорузлые выбросы пара и дыма...

— Ххахх, — Пират безгласым ревом, глядя, как дыханье утекает через парапет, — ххаххх! — Крыши поутру танцуют. Его гигантские бананы кистятся, лучисто-желтые, влажно-зеленые. У компаньонов внизу слюнки во сне текут по Банановому Завтраку. Сей отдраенный начисто день должен оказаться не хуже других...

Ой ли? Далеко к востоку, внизу розового неба что-то блеснуло очень ярко. Новая звезда, не меньше, иначе б не заметил. Он опирается на парапет и смотрит. Сверкающая точка уже превратилась в короткую вертикальную белую линию. Должна быть уже где-то над Северным морем... по крайней мере, не ближе... под нею паковый лед, холодный мазок солнца...

Что это? Не бывало такого. Но Пират не лыком шит. Он видел это в фильме, и двух недель не прошло... это инверсионный след. Уже выше на толщину пальца. Но не от самолета. Самолеты не запускают вертикально. Это новая — и по-прежнему Самая Секретная — германская ракетная бомба.

«Свежая почта». Он это шепнул или только подумал? Пират потуже затягивает обтрепанный пояс халата. Ну что — дальность этих штук предположительно больше 200 миль. А инверсионный след за 200 миль не разглядишь, ведь так?

О. О да: из-за кривой поверхности Земли, дальше к востоку, солнце вон там, только что взшло в Голландии, бьет в выхлоп ракеты, в капли и кристаллы, и они сияют по-над всем морем...

Белая линия резко прекратила подъем. Должно быть, отсечка топлива, конец горения, как там у них слово... *Brennschluß*. У нас такого слова нет. Или засекречено. Низ линии, первоначальная звезда, уже тускнеет в красной заре. Но, не успеет Пират увидеть восход, ракета окажется тут.

След — размазанный, слегка раздерганный в две-три стороны — висит в небе. Ракета, перейдя в чистую баллистику, уже поднялась выше. Но стала невидима.

Он разве ничего не должен делать?.. выйти на связь с оперативным штабом в Стэнморе, у них она должна быть на радарх

Канала — нет: вообще-то нет времени. От Гааги досюда меньше пяти минут (за столько успеть разве что до чайной на углу... свету солнца достичь планеты любви... вообще нет времени). Бежать на улицу? Предупредить остальных?

Сорвать бананы. Он тащится по черному компосту к теплице. Такое чувство, что сейчас обсохнет. Реактивный снаряд на высоте шестьдесят миль должен уже дойти до пика своей траектории... начать падение... *вот...*

Фермы пронизаны солнечным светом, молочные панели благотворно сияют сверху. Как может быть зима — даже такая — серой настолько, чтобы состарить это железо, способное петь на ветру, или затуманить окна, что открываются в иное время года, пусть и обманчиво законсервированное?

Пират смотрит на часы. Ничего не доходит. Чешутся поры на лице. Опустошив разум — трюк десантника, — он делает шаг во влажную жару своего бананника и приступает к отбору спелейших и лучших, подхватив полы халата, чтоб было куда сбрасывать. Позволив себе считать лишь бананы, передвигаясь с голыми ногами среди висячих связок, среди этих желтых канделябров, в тропических этих сумерках...

Снова наружу, в зиму. След совершенно пропал с неба. Пот лежит у Пирата на коже холодом почти ледяным.

Не спеша Пират зажигает сигарету. Он не услышит, как эта дрянь прилетит. Она летает быстрее звука. Первое известие о ней — взрыв. А потом, если ты еще тут, слышишь, как она прилетает.

А если ударит *точно* — ахх, нет — на долю секунды хочешь не хочешь, а ощутишь, как самый кончик со всей ужасной массой сверху лупит тебя в макушку...

Пират горбится, таща свои бананы вниз по штопору лестницы.

По голубой плитке внутреннего двора в кухню. Распорядок: включить американский блендер, прошлым летом выигранный у янки — слегонца в покер, ставки стола, офицерские квартиры где-то на севере, теперь уж и не вспомнить... Несколько бананов порубить на куски. Сварить кофе в электрическом кофейнике. Из

лёдника достать бидон с молоком. В молоке размять бананы. Чудненько. *Обволоку любой желудок в Англии, разъеденный бухлом...* Кусочек маргарина, понюхать — вроде не протух, растопить в сковороде. Почистить еще бананов, порезать вдоль. Маргарин шипит — в него длинные ломтики. Разжечь духовку — *хумп*, однажды мы тут все с тобой на воздух взлетим, ой, ха-ха, н-да. Почищенные целые бананы отправляются на решетку, едва та раскаляется. Найти маршмеллоу...

Шатаясь, вступает Тедди Бомбаж — на голову накинута Пиратово одеяло, — поскальзывается на банановой коже и хлопается на жопу.

— Убиться, — бормочет он.

— Немцы тебе помогут. Угадай, что я видел с крыши.

— V-2 летела?

— Ага, А4.

— Я смотрел из окна. Минут десять назад. Чудная, скажи?

А потом ни звука, а? Видать, недолет. В море, что ли, вошла.

— Десять минут? — Пытаясь распознать время по часам.

— Минимум. — Бомбаж сидит на полу, вправляет банановую кожуру в лацкан пижамы вместо бутоньерки.

Пират идет к телефону и все-таки звонит в Стэнмор. Процедуры не избежать, она, как водится, очень, очень длинна, но Пират уже не верит в ракету, которую видел. Ради него сощипнул ее Господь с безвоздушных небес, точно стальной банан.

— Апереткин на проводе, у вас вот только что ничего из Голландии не пицало. Ага. Ага. Да, мы ее *видели*. — Вот так и отбивают у людей вкус к восходам. Он вешает трубку. — Они ее потеряли над береговой линией. Обозвали «недоношенный *Brennschluß*».

— Выше нос. — Тедди отползает обратно к разбитой койке. — Не последняя.

Старина Бомбаж, какой ты добрый — всегда найдешь, чем утешить. Несколько секунд, ожидая беседы со Стэнмором, Пират стоял и думал: обошлось, Банановый Завтрак спасен. Но это лишь отсрочка. Не так ли. И впрямь ракета не последняя, и с той же вероятностью любая приземлится ему на голову. Сколько их, точно не знает никто по обе стороны фронта. Доведется ли за небом не следить?

Осби Щипчон стоит на хорах, в руке едва ли не самый большой Пиратов банан — торчит из ширинки полосатых пижамных

штанов; другой рукой глядя гигантский желтушный изгиб, обращенными в потолок триолями на четыре четверти Осби приветствует зарю нижеследующим:

Волоки свой костлявый зад к окну
 (на, сожри ба-нан)
 Зубы почисть и вали на войну.
 Всюду покой — взмахни рукой,
 Грезам скажи «прощай».
 Мисс Грейбл загни, мол, не до возни,
 До самой победы — бывай, о,
 А на гражданке жизнь без проблем,
 (на, сожри ба-нан)
 Шипучки — залейся, девчонок — гарем, —
 Но надо бы парочке фрицев дать в морду,
 Так что сверкни нам улыбкою бодрой,
 И напомним, что велено час назад:
 Подымай-ка с пола костлявый зад!

Имеется и второй куплет, но не успевает распетушившийся Осби в него углубиться, как на него напрыгивают и основательно колошматят — отчасти его же тучным бананом — среди прочих, Бартли Кустерв, Дековерли Сиф и Майер («Саксофонка») Мыш. В кухне маршмеллоу с черного рынка томно расползается сиропом на Пиратовой водяной бане и вскоре уже густо булькает. Варится кофе. На деревянной вывеске паба, дерзко при свете дня стыренной пьяным Бартли Кустервом и по сей день сохранившей резьбу «Машина и багор», Тедди Бомбаж крошит бананы громадным равнобедренным ножом, из-под нервного лезвия коего Пират одной рукой сгребает бледненькое пюре в вафельное тесто, напружиненное свежими куриными яйцами, на которые Осби Щипчон обменял равное число мячиков для гольфа, каковые текущей зимой дефицитнее настоящих яиц, а проволочной мутовкой в другой руке замешивает — не слишком рьяно, — и сам разобиженный Осби тем временем, то и дело прикладываясь к полупинтовой молочной бутылки, где пополам «ВАТ-69» и воды, надзирает за банами на сковороде и решетке. У выхода на голубой двор Дековерли Сиф и Пат Териц стоят подле бетонной масштабной модели Юнгфрау, которую некий энтузиаст когда-то в двадцатых целый год мучительно моделировал и отливал, обнаружив затем, что макет слишком велик и не проходит в двери, и лупят склоны знаме-

нитой горы красными резиновыми грелками с ледяными кубиками, дабы измельчить лед для Пиратовых банановых фραπε. Дековерли и Пат с их суточной щетиной, колтунами, покрасневшими глазами и миазмами гнилостного дыхания — измочаленные боги, подхлестывающие копотливый ледник.

В домике прочие собутыльники выпутываются из одеял (один обезветривает свое, грезя о парашоте), мочатся в раковины ванной, потрясенно разглядывают себя в гнутых зеркальцах для бритья, без особого плана плещут воду на редующие волосы, сражаются с «сэмами браунами», ввиду грядущего дождя мажут жиром ботинки, от чего руки уже устали, напевают обрывки шлягеров, коих мелодии не обязательно помнят, лежат, полагая себя согретыми, в кляксах нового солнца, что пробралось между средников, опасливо заговаривают о делах, потихоньку примеряясь ко всему, что, не пройдет и часа, придется делать, пенят шеи и лица, зевают, ковыряют в носу, перерывают книжные шкафы и горки в похмельных поисках клина, что вышибет клин, который, с-собака безусловная, истыкал их ночью не то чтобы совсем без повода.

И теперь по комнатам, вытесняя застарелый ночной дым, алкоголь и пот, разрастается хрупкий адамово-смоквичный аромат Завтрака: цветочный, вездесущий, удивительный, больше зимнего солнца, он берет верх не грубой едкостью либо количеством, но скорее витиеватой сложностью сплетенья молекул, у них с кудесником общая тайна, коей — хоть и нечасто Смерти столь недвусмысленно рекомендуют отъебаться, — повязан лабиринт живых генетических цепей, что сохраняет человеческое лицо десять или двадцать поколений... и то же самое структурное притязанье запускает банановый дух военного утра виться, отвоевывать, побеждать. Есть ли причины не распахнуть все окна до единого, не позволить этому благотворному запаху окутать Челси? Заклятием от падающих объектов...

Грохоча стульями, перевернутыми снаряжными ящиками, скамьями и оттоманками, Пиратова банда собирается на берегах обширного трапезного стола, южного острова через пару-другую тропиков от зыбких средневековых фантазий Коридона Тропела; темную полированную круговерть орехового столового плоскогорья заполонили теперь банановые омлеты, сэндвичи с бананом, банановая запеканка, банановое пюре, вылепленное в форме восставшего британского льва, замешанное с яйцами в тесто для

французских тостов, выдавленное через насадку на дрожющие кремовые просторы бананового бланманже и завитое в слова «*C'est magnifique, mais ce n'est pas la guette*»¹ (приписываемые французскому наблюдателю, обозревавшему Атаку Легкой Кавалерии), каковые Пират присвоил в качестве девиза... высокие графинчики блеклого бананового сиропа — источать на банановые вафли, гигантский глазурованный кувшин, где бананы с лета бродят в обществе дикого меда и мускатного изюма и откуда в это зимнее утро изливаются пенные кружки банановой медовухи... банановые круассаны, и банановый креплах, и банановая овсянка, и банановый джем, и банановый хлеб, и бананы, залитые обжигающим древним бренди, которое Пират в прошлом году привез из одного подвала в Пиренеях, где также наличествовал подпольный радиопередатчик...

Телефонный звонок, раздавшись, с легкостью продирается сквозь комнату, похмелья, обжиманцы, звон тарелок, деловую болтовню, горькие смешки, точно вульгарный металлический пердежный дуплет; наверняка по мою душу, понимает Пират. Бомбаж, который ближе всех, снимает трубку, и вилка с *bananes glacées*² изящно застывает в воздухе. Пират напоследок черпает медовухи, горлом чувствует, как она всасывается, будто время пришло, время летней безмятежности, глотает.

— Твое начальство.

— Так нечестно, — стонет Пират, — я с утра еще даже не отжмался.

Голос, который Пират слышал лишь однажды — в прошлом году на брифинге, руки и лицо зачернены, аноним меж десятка других слушателей, — сообщает, что в Гринвиче ждет послание, Пирату адресованное.

— Доставлено весьма пленительным манером, — голос пронзителен и разобижен, — у *меня* таких умных друзей нет. Вся *моя* корреспонденция прибывает почтой. Заберите, Апереткин, будьте любезны.

Трубка обрушивается на рычаг с оглушительным *кэк*, связь обрывается, и теперь до Пирата доходит, куда приземлилась

¹ «Это великолепно, однако не война» (фр.). — *Здесь и далее примеч. переводчиков.*

² Засахаренные бананы (фр.).

утренняя ракета и отчего не было взрыва. И впрямь свежая почта. Он глядит сквозь солнечные контрфорсы, на сотрапезников за столом, что барахтаются в банановом изобилии, густой нёбный скулеж их голода заблудился где-то в протяженности утра между ними и Пиратом. Сотня миль, и так внезапно. Когда на одиночество находит стих, оно даже в ячеях этой войны хватает его за слепую кишку и трогает, как сейчас, собственнически. Снова Пират где-то за окном, смотрит, как посторонние завтракают.

Прочь, на восток через мост Воксхолл, в побитой зеленой «лагонде» везет его крылатый вестовой супергерой, некто капрал Уэйн. Кажется, чем выше солнце, тем больше холодеет утро. Тучи все-таки собираются. Бригада американских саперов высыпает на дорогу, направляется на расчистку окрестных руин, распевая:

Здесь...

Холоднее ведьминских сосков, эхма!

Холодней бадьи пингвиньего дерьма!

Холодней волос в заду у алеута!

Холодней, чем иней на фужере брюта!

Нет, они придуриваются, будто народники, но *я-то* знаю, они из Ясс, от Кодряну, *его* люди, члены Лиги, они... да они убьют за него — они же принесли *присягу*! Меня пытаются кокнуть... трансильванские мадьяры, они же *заклятья* знают... шепчут по ночам... Так-так — хррум — а вот, хе-хе, и подкралось Пиратово Состояние, когда он, по обыкновению, не ждал — ну и вполне можно сейчас ввернуть: то, что в досье именуется Пиратом Апереткином, есть странный талант... в общем, влезать в чужие фантазии: то есть даже способность взять на себя бремя *правления* ими — в данном случае фантазиями румынского беженца-роялиста, который в ближайшем же будущем может оказаться полезен. Сей дар Фирма полагала замечательно благопотребным: в такое время незаменимы лидеры и прочие исторические персонажи в здравом рассудке. И какими еще банками и пивьяками высосать у них избыток тревоги, нежели найти того, кто возьмет в свои руки их мелкие изнурительные грезы... заживет в неярком зеленом свете их тропических убежищ, под бризами их пляжных домиков, выпьет их коктейли из высоких бокалов, пересядет, дабы расположиться лицом ко входу, в их публичных местах, не позволит их невинности пострадать более, чем она уже успела... поймает их

эрекцию при наплыве мыслей, какие среди врачей слывут недопустимыми... заботится всего, всего, чего они не могут себе позволить бояться... вспоминая слова П. М. С. Блэккетта: «Взрывами эмоций войну не раскочегаришь». Замурлычь придурочную мелодийку, которой тебя научили, и постарайся не слажать:

О да, я —
 Тот, кто фан-газирует чужи-е гре-зы
 У меня их болячка болит,
 Пусть девка меня обнимает,
 Пусть Круппингэм-Джонз припоздает,
 Не вопрос однако, по ком звонит...

[А теперь под аккомпанемент множества туб и четырехголосья тромбонов]

Неважно, по-мо-ему, есть ли опаааасность,
 Опасность — крыша, с которой я рухнул давно, —
 Раз — и-нету-меня, прощай навек,
 Забудь, что не выкатил выпивку, Джек,
 Поссы на могилу и даль-ше крути кино!

А затем он прямо-таки *скачет* туда-обратно, подбрасывая колени и вертя тростью, у которой набалдашник — голова У. К. Филдза, нос, цилиндр и прочее всякое, и без балды способен к магии, пока бэнд играет второй рефрен. А между тем фантазмагория, настоящая фантазмагория накатывает на экран над головами аудитории по крошечной колее элегантной викторианской страты, напоминающей профиль шахматного коня, задуманного прихотливо, однако не вульгарно, — затем промчавшись назад, туда-сюда, нередко образы масштабируются так проворно, так непредсказуемо, что, как ни крути, временами в розовый, как говорится, вклинивается лаймовый. Сцены — ярчайшие мгновенья Пиратовой карьеры суррогатного фантазера, они при нем с тех пор, когда он повсюду таскал знак грешков молодости «Незрелость», что безусловным клеймом вырождения рос прямо из нутра головы. Пират уже некоторое время знал, что отдельные эпизоды его снов не могут принадлежать ему. Не путем скрупулезного дневного анализа содержания — просто потому, что *знал*. Но затем настал день, когда он впервые встретил настоящего владельца сна, который снился ему, Пирату: у питьевого фонтанчика в парке, очень длинная опрятная вереница скамеек, такое чувство, будто в аккурат за

причесанной кромкой недорослых кипарисов — море, серый бутовый камень на дорожках мнится мягким, точно поля федоры, можно и поспать, и тут заявляется этот слюнявый умственный отрепыш, которого ты страшился однажды встретить, и останавливается, и наблюдает, как две гёрл-гайды подстраивают напор воды в фонтанчике. Они наклонились, не соображая, очаровательные нахалки, что тем самым обнажают роковые края белых хлопковых трусиков, скругления юного жирка крошечных ягодичек — удар по Генитальному Мозгу, пусть и на рогах. Бродяга засмеялся, ткнул пальцем, а потом оглянулся на Пирата и сказал нечто из ряда вон: «А? Гёрл-гайды воду качают... *и вой твой будет жар ночной... а?*» — теперь глядя на одного лишь Пирата, без никакого притворства... Короче, Пирату эти слова снились позапрошлым утром, как раз перед пробуждением, они были в обычном списке призов на Состязании, где стало людно и опасно, из какой-то интервенции угольных улиц вовнутрь... он не очень точно помнил... перепуганный до помешательства, он ответил: «Уходите, а то полицейского позову».

Текущую задачу это решило. Но рано или поздно придет час, когда кто-нибудь еще узнает о его даре, тот, для кого это важно; у Пирата и самого имелась многосерийная фантазия — скорее даже мелодрама Эжена Сю, — в которой организация дакойтов или сицилийцев похищает его и использует в невыразимых целях.

В 1935-м у него случился первый эпизод *вне* какого-либо состояния, определяемого как сон, — то было в его Кипплинговский Период, куда ни глянешь — зверские фуззи-вуззи, в войсках пышным цветом цветут гвинейский червь и лейшманиоз, месяц никакого пива, радио глушится другими Державами, каковые пожелали владеть этими жуткими черными, бог знает зачем, и весь фольклор побоку, никакого тут тебе Кэри Гранта не порезвится, не подолбят слоновьега снадобья в пунш... даже никакого Араба с Большим Сальным Носом, чтоб на нем поупражняться, как в той грустной песенке, которую слышал всякий рядовой... чему уж тут особо дивиться, если однажды в четыре засиженных мухами часа пополудни, не смыкая глаз, посреди вони гниющих дынных корок, под семидесяти-семи-миллионный повтор единственной граммофонной пластинки, что имелась в караулке, — Сэнди Макферсон на органе лабаёт «Смену караула», — Пират пережил роскошный восточный эпизод: лениво сиганул подальше за ограду

и прошмыгнул в город, в Запретный Квартал. Чтоб там наткнуться на оргию, учиненную Мессией, которого почти никто еще не признал, и понять, едва глаза ваши встретились, что ты его Иоанн Креститель, его Нафан из Газы, что тебе-то и уготовано убедить его в его Божественности, возвестить о нем остальным, любить его разом нечестиво и во Имя того, что он есть... Б. З. Баш нафантазировал, больше некому. В каждом подразделении имеется по меньшей мере один Бе-Зе, тот Бе-Зе, кто никак не может запомнить, что правоверные мусульмане фотографироваться на улицах не рвутся... тот Бе-Зе, кто одалживает гимнастерку остается на мели без курева находит неуставную нычку у тебя в кармане и в самый полдень закуривает в столовке, где затем с блуждающей улыбкой и ошиивается, называя сержанта, командира красных шапочек, при крещении данным именем. И само собой, едва Пират совершает ошибку, уточняя фантазию у Бе-Зе, времени проходит всего ничего, а высшие эшелоны теперь тоже в курсе. Так и записывают в досье, и в конце концов Фирма в Своих неустанных розысках талантов, подлежащих купле, призовет Пирата под Уайтхолл — поверх синих суконных полей и нещадных настольных маневров пронаблюдать его трансы — закаченные глаза читают старое, глиптическое старое граффити на его собственных глазницах...

Первые несколько раз не щелкнуло. Фантазии ничего, только принадлежали мелким сошкам. Однако Фирма терпелива, ибо устремлены Они в Долгосрочную Перспективу. Наконец в один типический шерлок-холмсовский лондонский вечер до Пирата донесся несомненный запах газа от угасшего уличного фонаря, и из тумана впереди выступил гигантский членоподобный силуэт. Осторожно, чернотуфельно, шаг за шагом Пират подкрался ближе. Оно заскользило ему навстречу по брусчатке, улиточьи лениво, оставляя в кильватере на мостовой какую-то склизкую яркость, какой не случается от тумана. Их разделяла точка перехода, которой Пират, будучи несколько проворнее, достиг первым. Попятился в ужасе, назад, за грань, — но осознания такие необратимы. *То был гигантский Аденоид*. Размером со Святого Павла как минимум, растет не по дням, а по часам. Лондон, а может, и вся Англия, в смертельной опасности!

Лимфатический монстр некогда заблокировал выдающуюся носоглотку лорда Болторарда Осмо, каковой в те времена воз-

главлял Новопазарский отдел в Министерстве иностранных дел — невнятное возмездие за прошедший век британской политики по Восточному вопросу, ибо на невнятном этом санджаке когда-то жила вся судьба Европы:

На карте-его никто не-най-дет,
Кто-мог предвидеть такой по-во-рот?
Все в Черногории, в Сербии все
Ждут ката-строфы во всей красе, — ах, детка,
Упакуй-ка мне «глад-стон», почисть мой костюм,
Припаси-ка мне толстых сигар —
У меня адрес есть:
«Вос-точ-ный экспресс»
До санд-жака Но-во-па-зар!

Весьма обольстительные молодые танцовщицы кордебалета, игриво облаченные в кивера и ботфорты, некоторое время пляшут, а между тем в иных пенатах лорд Болторард Осмо *поглощается* своим растущим Аденоидом: эдвардианская медицина объяснить сию чудовищную трансформацию клеточной плазмы решительно не в силах... вскоре уже цилиндры валяются на площадях Мей-фэра, дешевый парфюм бесхозно висит в огнях пабов Ист-Энда, Аденоид же неистовствует, не глотая жертв без разбору, о нет, у адского Аденоида имеется *генеральный план*, он выбирает лишь отдельных личностей, ему пользительных, — и вот новые выборы, Англию наново сплошь охватывает недоходяжеская претерияция, отчего Министерство внутренних дел впадает в истерическую и болезненную нерешительность... никто не знает, *что же* делать... следует неохотное поползновение эвакуировать Лондон, черные фаэтоны грохочут мощными муравьиными кортежами по ажурным мостам, в небе зависли аэростаты наблюдателей: «Засек его в Хэмпстед-Хите, сидит и *дышит*, вроде как... вдох, выдох...» — «Что-нибудь оттуда *слышно?*» — «Да, это ужасно... будто великанский *нос* сопли втягивает... погодите, оно сейчас... начинает... о *нет*... о господи, я не могу это описать, это звер...» — канат лопается, связь обрывается, шарик улетел в зеленовато-голубую зарю. Из Кавендишской лаборатории прибывают бригады — опоясать Хит громадными магнитами, электродуговыми терминалами, панелями черной жести, кои утыканы шкалами и рукоятками, заявляется военщина в полной боевой экипировке, с бомбами, налитыми новейшим смертоносным газом: Аденоида взрывают, трясут

электрошоком, травят, он там и сям меняет цвет и форму, высоко над деревьями надуваются желтые жировики... прямо под вспышками фотокамер Прессы гнусная зеленая псевдоподия подползает к войсковому кордону и вдруг — *шлльион!* — целый наблюдательный пост сметен валом какой-то отвратительной оранжевой слизи, в которой несчастные люди *перевариваются* — не кричат, а вообще-то смеются, явно *наслаждаясь*...

Задача Пирата/Осмо — установить контакт с Аденоидом. Положение стабилизировалось, Аденоид заграбастал весь Сент-Джеймс, никаких вам больше памятников архитектуры, правительственные конторы перебазированы, однако столь рассредоточены, что связь между ними весьма прерывиста — почтальонов на пути перехватывают туго-прыщавые сияюще-бежевые щупальца Аденоида, телеграфные провода готовы оборваться по малейшему его капризу. По утрам лорд Болторард Осмо, нацепив котелок и прихватив портфель, обязан свершать каждодневный демарш к Аденоиду. Это отнимает столько времени, что лорд почти забрасывает Новопазарский санджак, и МИД встревожен. В тридцатых о политическом равновесии еще пеклись всерьез, все дипломаты полегли с балканозом, шпионы с иностранными гибридными именами сновали по всем базам Оттоманского охвостья, кодированные сообщения на десятке славянских языков татуировались на голых верхних губах, где оперативники отращивали усы, кои сбрасывали затем лишь авторизованные офицеры-криптографы, а пластические хирурги Фирмы пересаживали кожу поверх... губы эти — палимпсест тайной плоти, исшрамленной и ненатурально белой, по которой все они друг друга узнавали.

Так или иначе, Новопазар оставался *croix mystique*¹ на ладони Европы, и МИД решил в итоге обратиться за помощью в Фирму. Фирма знала, кому поручить.

2¹/₂ года Пират каждый день отправлялся с визитом к Сент-Джеймскому Аденоиду. Чуть не сбрендил. Правда, исхитрился разработать пиджин, на котором им с Аденоидом удавалось общаться, но, увы, Пиратово назальное оснащение не позволяло четко артикулировать, и задача была убийственная. Они с Аденоидом шмыгали кто во что горазд, а алиенисты в черных пиджаках о семи пуговицах, почитатели доктора Фрейда, на которых Аде-

¹ Мистический крест (*фр.*).

ноиду явно было начхать, стояли на стремянках, прислоненных к тошнотворному сероватому боку, гребли новое чудо-снадобье кокаин, *корытами* посменно таскали белый порошок вверх по лестницам и размазывали его по пульсирующей гигантской железе, по микробным токсинам, что ужасно булькали в его криптах, — и притом совершенно безрезультатно (хотя кто знает, каково было *Аденоиду*, а?).

Однако лорд Болторард Осмо наконец смог целиком посвятить себя Новопазару. В начале 1939-го Осмо нашли в ванне пудинга из тапиоки в доме Некой Виконтессы — лорд тайнственно задохнулся. Кое-кто разглядел в этом руку Фирмы. Прошли месяцы, началась Вторая мировая война, прошли годы, из Новопазара — ни словечка. Пират Апереткин спас Европу от Балканского Армагеддона, о котором грезил старики, слабея в постелях пред величием оного, — хотя от Второй мировой, конечно, не спас. Но к тому времени Фирма позволяла Пирату лишь крошечные гомеопатические дозы мира — в самый раз, чтоб не рухнули его бастионы, но не хватит, чтобы его отравить.

У Тедди Бомбажа — обеденный перерыв, только обед сегодня — бе-э, раскисший банановый сэндвич в вощанке, который Тедди уложил в стильный вещмешок из кенгуриной шкуры и уместил меж всяко-разных причиндалов — карликовой шпионской фотокамеры, баночки воска для усов, жестянки лакричных, ментоловых и перечных «Пастилок для пасторалей», солнечных очков с диоптриями, в золотой оправе, а-ля генерал Макартур, парных щеток для волос, каждая — в форме пылающего меча ВЕГСЭВ¹, кои маменька заказала ему у «Гаррарда», а Бомбаж полагает изысканными.

Цель его этим моросливым зимним полуднем — серый каменный особняк, ни крупный, ни историчный, путеводителей недостойный, чуть в глубине, чтоб не видели с Гроувнор-сквер, несколько в стороне от официально натоптанных столичных троп войны и коридоров власти. Едва смолкнут пишмашинки (в 8:20

¹ Верховное главнокомандование, союзные экспедиционные войска.

и прочие мифические часы), если в небе не летают американские бомбардировщики, а на Оксфорд-стрит прореживается уличное движение, снаружи доносится писк зимних птиц, толпящихся деловито у кормушек, сооруженных девочками.

Плитняк от хмари весь осклизл. Стоит темная, трудная, оголодавшая по табаку, болеголовая, изжоговая середина дня, миллион бюрократов усердно проектируют смерть и некоторые даже это сознают, многие уже впились во вторую или третью пинту или хайбол, отчего здесь разливается некое отчаянье. Но Бомбаж, входя в обложенные мешками с песком двери (о да, провизорные пирамиды, возведенные ради потворства приплоду любопытных богов), ничего этого ощутить не в силах: слишком занят перебором правдоподобных откоряк на случай, если его вдруг поймают, — не то чтоб он ловился, сами понимаете...

Девушка за стойкой — добродушная очкастая служащая ВТС¹ — чпокает жвачкой и взмахом руки отправляет его вверх по лестнице. Шерстяные взмокшие адъютанты на перегонах — к штабным собраниям, ватерклозетам, часу-двум питания по серьезу — кивают на ходу, Бомбажа вообще-то не видя: примелькавшееся лицо, приятель этого-как-его-там, они кореша по Оксфорду или где, того летёхи, что работает в АХТУНГе...

Старое здание покромсали военные трущоботворцы. АХТУНГ — это Администрация хозяйственно-технических управлений Норд-Германии. Прокуренный бумажный гадюшник в данный момент практически пуст, черные пишмашинки высятся надгробьями. Пол — изгвазданный линолеум, окон нет; электросвет желтушен, дешев, безжалостен. Бомбаж заглядывает в кабинет, отведенный его старому приятелю по колледжу Иисуса, лейтенанту Оливеру Муссору-Маффику, прозвище — Галоп. Никого. Галоп и янки обедают. Хорошо. Стало быть, камеру выни-май, гибкую лампу зажигай, подправим-ка абажурчик...

Такие клетушки раскиданы, должно быть, по всему Е-ТВД²: лишь три замурзанные обшарпанно-кремовые стенки из фибролита и никакого собственно потолка. Галоп делит ее со своим американским коллегой — лейтенантом Энией Ленитропом. Их столы — под прямым углом друг к другу, поэтому взглядами коллеги

¹ Вспомогательные территориальные службы.

² Европейский театр военных действий.

встречаются, лишь неуклюже скрипнув градусов на 90. Стол Галлопа чист, а у Ленигропа кошмарный завал. Не расчищали до первоначальной древесной поверхности с 1942 года. Все разлеглось приблизительно слоями на основе бюрократической смесмы, какая неизменно оседает на дно и состоит из миллионов крохотных красных и бурых кудряшек стирательной резинки, карандашных стружек, высохших пятен чая или кофе, потеков сахара и «Хозяйственного молока», избытка табачного пепла, тончайших черных хлопьев, снятых и сброшенных с ленты пишущей машинки, разлагающегося библиотечного клейстера, ломаных таблеток аспирина, искрошенных в пудру. Выше следует разброс канцелярских скрепок, кремней от «зиппо», резинок, проволочных скобок, окурков и мятых сигаретных пачек, заблудших спичек, булавок и кнопок, перьев от ручек, карандашных огрызков всех цветов, включая дефицитные гелиотроп и умбру, деревянных кофейных ложечек, пастилок для горла «Скользкий вяз» от компании «Тэйерз», что шлет Ленигропу мама Наллина из самого Массачусетса, кусков клейкой ленты, бечевки, мела... над этим — слой забытых меморандумов, пустых продовольственных книжечек цвета буйволовой кожи, телефонных номеров, неотвеченных писем, изодранных листов копирки, накарябанных аккордов для гавайской гитары к дюжине песенок, включая «Джонни-Пончик нашел себе розу в Ирландии» («У него и впрямь есть броские аранжировки, — сообщает Галлоп. — Он что-то вроде американского Джорджа Формби, если можно себе такое представить», — но Бомбаж решил, что лучше не представлять), пустой бутылки изпод тоника для волос «Кремль», потерявшихся кусочков от разных пазлов, на которых изображены части янтарного левого глаза веймаранера, зеленых бархатных складок вечернего платья, сланцево-голубых прожилок далекого облака, оранжевого нимба взрыва (а может, и заката), заклепок в обшивке «Летающей крепости», розовой мякоти внутренней поверхности бедра, принадлежащего надувшей губки красотке с плаката... несколько старых Еженедельных Разведотчетов «G-2»¹, лопнувшая струна от гавайской гитары, свернувшаяся штопором, коробки клейких бумажных звездочек множества оттенков, детали фонарика, крышка от обувного крема «Самородок», в которой Ленигроп время от времени

¹ Армейская разведка.

Благодарности переводчиков

Переводчики благодарят Александра Богдановского, Светлану Брызгину, Юрия Гирина, Александра Гузмана, Александру Довлатову-Мечик, Егора Залогина, Ирину Залогину, Галину Зеленину, Николая Караева, Антона Кима, Сергея Кузнецова, Андрея Лебедева, Олега Мороза, Наталью Савельеву, Юлию Фридман, Анну Школьник, Арташеса Эмина, а также Стивена Вайзенбергера, Дона Ларссона, Зака Смита, Бена Тига, Тима Уэра, коллектив авторов конкорданса *PynchonWiki.com*, редакторов и авторов журнала *Pynchon Notes* и участников электронного листа рассылки *Pynchon List*.

Special thanks to Guy Davenport for the eternal inspiration, and Charles Hollander for "misdirection."

Оглавление

1. За нулем	7
2. Un Perm' au Casino Hermann Goering	223
3. В Зоне	343
4. Противодействие	751